

1. Витгенштейн Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, 1994. – Часть 1. – 612 с.
2. Генис А. Довлатов и окрестности. URL: <http://lib.rus.ec/b/112045>
3. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
4. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. – 94 с.
5. Довлатов С.Д. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4 / С.Д. Довлатов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 480 с.
6. Земская Е. А., М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. / Отв. ред. Е. А.Земская. М.: Наука: Флинта, 1983. – С. 172-214.
7. Коновалова Ю. О. Языковая игра в современной русской разговорной речи: монография / Ю. О.Коновалова. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009. – 196 с.
8. Кругосвет. Энциклопедия URL: <http://www.krugosvet.ru>
9. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М.: Языки русской культуры, 2002. – 552 с.
10. Серман И. Театр Сергея Довлатова / И. Серман // Грани. – 1985. – № 136. – с. 150-152.

УДК 811.161.1'1

О.В. Радчук

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПОНЯТИЯ *ОТСУТСТВИЕ* КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

О.В. РАДЧУК СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПОНЯТИЯ ОТСУТСТВИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА.

*Автором статьи рассмотрены результаты языковых изменений в грамматике русского языка. Опираясь на исторические комментарии, автор выделяет три семантических типа понятия **отсутствие** на уровне грамматики русского языка: полное отсутствие, восполняемое отсутствие, исчезновение. Выделенные типы свидетельствуют о том, грамматическая система русского языка является отражением своеобразия ментальности русского народа.*

Ключевые слова: грамматическая система, грамматические категории и формы, понятие отсутствие, семантические типы.

О.В. РАДЧУК СЕМАНТИЧНІ ТИПИ ПОНЯТТЯ ВІДСУТНІСТЬ ЯК ВІДБИТТЯ ЗМІН У ГРАМАТИЦІ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ.

*Автором статті розглянуті результати мовних змін у граматиці російської мови. Спираючись на історичні коментарі, автор виокремлює три семантичні типи поняття **відсутність** на рівні граматики російської мови: повна відсутність, відновлювана відсутність, зникнення. Виокремленні типи свідчать про те, що граматична система російської мови є відображенням своєрідної ментальності російського народу.*

Ключові слова: граматична система, форми, граматичні категорії та форми, поняття відсутність, семантичні типи.

O.V. RADCHUK. SEMANTIC TYPES OF THE RUSSIAN GRAMMAR CONCEPT ABSENCE.

*The article considers some results of the linguistic changes in Russian Grammar. The conducted research enabled the author to trace some language changes at the grammatical level which reflect the constant **development** of the language as a system: an empty link in the grammar system causes further evolution, and the filled in gap certifies to a high degree of significance of the grammeme, the syntactical structure for the language community under consideration. On the basis of historical commentaries the author singles out three semantic types of the concept **ABSENCE** at the Russian grammar level: complete absence, compensated absence and disappearance. The types under analysis certify to the fact that Russian grammar system reflects features of the Russian people mentality.*

Key words: grammar system, grammatical categories and forms, concept ABSENCE, semantic types.

Грамматическая структура языка является результатом длительной абстрагирующей работы человеческого разума. Именно поэтому грамматика составляет весьма стройную естественную систему, внедрение в которую постороннего элемента практически невозможно, а, если такое происходит, то это приводит к изменениям внутри системы. При этом влияние внешних условий на преобразования в грамматике происходит не непосредственно. Они опосредованы явлениями фонетическими, лексическими и словообразовательными. Кроме того, языковая система испытывает влияние других языков.

Несмотря на то, что грамматическая система языка является строго упорядоченной и достаточно стабильной, в ней, тем не менее, происходят изменения: проникают или вкрапляются новые элементы, какие-то устаревают, утрачиваются, оставляя пустые ниши. Грамматическая система обладает значительными возможностями внутреннего совершенствования для передачи сложных абстрактных понятий.

Цель статьи состоит в том, чтобы выделить семантические типы понятия *отсутствие* на уровне грамматики русского языка, проиллюстрировав примерами из истории языка. В последнее время увеличился интерес к изучению морфологических [5; 7] и синтаксических [2; 4] единиц в разных аспектах, чем обусловлена **актуальность** исследования.

В языкознании существует понятие *значимое отсутствие*, введенное Р. Якобсоном. По его мнению, функционирование системы языка основано на «противопоставлении некоторого факта ничему», то есть, согласно терминологии формальной логики на контрадикторном противопоставлении [11, с. 240]. Р. Якобсон как представитель структурального направления в лингвистике рассматривал языковые единицы строго в синхронном аспекте. Он указывал на то, что синкретизм морфологических форм в некоторых парадигмах или в некоторых грамматических категориях или, наоборот, снятие противопоставления значений под воздействием определенного контекста подчеркивает важность проблемы «нулевого противопоставления» для лингвосо-

миотики, которая должна исследовать сложные соотношения между двумя понятиями — *знаком* и *нулем* [11, с. 283].

Сегодня теория и практика коммуникации рассматривает речевую деятельность в рамках знаковых систем. На наш взгляд, невозможно мыслить какое-либо *присутствие*, тем самым не превращая его в знак. Говоря о знаках языковой системы, которая является открытой и динамичной, необходимо подчеркнуть, что каждый элемент может изменяться и изучаться как в синхронии, так и в диахронии. Языковая система находится в непрерывном развитии. Неслучайно У. Эко утверждает, что «неизбежно *присутствие* оборачивается *отсутствием*, неким засасывающим водоворотом, у которого мы непрерывно спрашиваем новых смыслов и *присутствие* которого было бы не более чем импульсом к непрекращающемуся, бесконечному процессу семиозиса» [10, с. 364].

Исходя из сказанного выше, предлагаем понятие *отсутствие*, применяемое при анализе грамматических единиц, классифицировать в зависимости от лексического значения его составляющих. В этом случае выделяются три типа:

I тип — **полное отсутствие**, т.е. те формы и явления, которых нет и не было в грамматической системе русского языка;

II тип — **восполняемое отсутствие** какого-либо элемента или формы слова, которые легко восстанавливаются; отсутствие, ранее бывшее полным, но в результате языковых процессов восполнено системой;

III тип — **исчезновение** каких-либо грамматических форм или грамматических категорий в процессе исторического развития языка.

Для наглядности представим выделенные нами семантические типы понятие *отсутствие* и иллюстрирующие их примеры в таблице (см. табл. 1), а затем рассмотрим более подробно каждый тип в соответствии с классификацией. Таблица наглядно показывает динамику в развитии грамматической системы русского языка, которая свидетельствует об упрощении и экономии языковых категорий и единиц на уровне грамматики.

Таблица 1
Семантические типы понятия *отсутствия* в грамматике

| | <i>Полное отсутствие</i> | <i>Восполняемое отсутствие</i> | <i>Исчезновение</i> |
|----|--|--|--|
| 1. | «Несуществование» строгого порядка слов в предложениях древнерусского и современного русского языка. | Появление деепричастий и деепричастных оборотов в русском языке в период позднего Средневековья. | Исчезновение формы звательного падежа имен существительных. |
| 2. | Изначальное отсутствие категории детерминации. | Перераспределение имен по типам склонения, зависящим от характера основ. | Утрата категории двойственного числа в русском языке. |
| 3. | | Становление единой формы прошедшего времени. | Потеря связи категории одушевленности существительных с категорией личности в русском языке. |
| 4. | | | Утрата самостоятельности постфикса <i>ся</i> . |
| 5. | | | Нарушение в формах |

| | | | |
|--|--|--|-------------------------------|
| | | | синтаксического согласования. |
|--|--|--|-------------------------------|

Для соотнесения семантических типов понятия *отсутствие* в грамматике считаем необходимым привлечь исторические комментарии.

1 тип — полное отсутствие

1. В древнерусском и современном русском языках никогда не наблюдалось жесткого порядка слов в предложении. В предложении — *Отць видить сынъ* — активно действующим лицом мог быть и отец, и сын. Если бы в древнерусском языке был фиксированный порядок слов, установление субъекта и объекта действия было бы облегчено (например, субъект всегда на первом месте, а объект — на втором), но по-древнерусски можно было сказать и *Отць видить сынъ*, и *Сынъ видить отць*, вкладывая в эти фразы один и тот же смысл. Аналогичные конструкции присутствуют и в современном русском языке — *Мать видит дочь* и *Дочь видит мать*. Развитие грамматической категории падежа помогло формально обозначить объект и субъект действия: использование формы родительного падежа в значении винительного падежа при обозначении одушевленного объекта. Отсутствие строгого порядка слов в предложении в русском языке также продуктивно повлияло на дальнейшее развитие синтаксиса. На примере письменного русского языка видно, что за последнее тысячелетие произошло продуктивное развитие синтаксиса сложных конструкций, в частности, распространение многокомпонентных сложных предложений, начиная с XIX века.

2. Категория детерминации изначально не была представлена в русском языке и не имела морфологических способов выражения. Категория определенности/неопределенности указывает на то, как представлен предмет: как единственный в описываемой ситуации или как принадлежащий к классу подобных. Если в германских, романских и некоторых славянских языках категория детерминации выражается с помощью артиклей, то в русском языке используются указательные местоимения, если возникает контекстуальная необходимость. Необходимо заметить, что указательные местоимения *этот, эта, это* появились только во второй половине XVII века путем присоединения местоименной частицы *э* к указательным местоимениям *тот, та, то*.

II тип — восполняемое отсутствие

1. В древнерусском языке не было деепричастий и деепричастных оборотов. Деепричастие, как особая грамматическая форма, сложилась в русском языке в относительно позднее время. Первым описал эту глагольную форму М. Смотрицкий, ему же принадлежит и термин. Возникнув из причастий, они получили большое развитие в качестве обособленных членов предложения (деепричастий) и обособленных оборотов (деепричастных) и стали интенсивно использоваться, отражая логику языковых явлений, их взаимосвязь и взаимообусловленность.

2. Перераспределение имен по типам склонения, зависящим от характера основ, в большинстве случаев было обусловлено фонетическим обликом слова и его морфемным составом. На древнейшем этапе все имена имели одинаковые окончания, которые присоединились независимо от того, на какой элемент заканчивалась основа имени. В дальнейшем произошло переразложение между основой и окончанием, результатом которого был переход в ряде случаев конечной части основы в состав окончания. Причиной такого переразложения была недостаточная семантическая яркость различения слов по основам и некоторые фонетические явления. Результатом стало распределение имен по типам склонения, зависящим от характера основ. Но и такое состояние не удержалось продолжительно: дальнейшие фонетические изменения в славянских языках, монофтонгизация дифтонгов, появление, а затем преобразование носовых гласных, утрата редуцированных гласных вели к тому, что бывшие основы переставали быть основами, а распределение типов склонения в соответствии с типами основ стало анахронизмом. Однако категория рода, которая играла определенную роль в перестройке склонения (например, в превращении бывшего склонения на *i* в почти чисто женское склонение), не была, видимо, сама в достаточной мере осмысленной, чтобы полностью подчинить роду распределение существительных по типам склонения. Типы склонения остаются в большинстве случаев в славянских языках недостаточно обоснованными с семантической стороны, что продолжает оставаться источником возможных изменений в распределении имен по типам склонения, так как формальные основания такого распределения тоже нечетки.

3. Становление единой формы прошедшего времени в русском языке произошло в связи с развитием категории вида.

В древнерусском языке с дописьюменной эпохи фактически употреблялись четыре формы прошедшего времени: две простые (аорист и имперфект) и две сложные (перфект и квамперфект). С развитием видовых отношений система прошедших времен упростилась. Постепенная утрата вспомогательного глагола и употребление подлежащего, выраженного существительным или личным местоимением, привела вначале к ограничению в употреблении, а затем и полной замене устаревших форм прошедшего времени. На месте сложной формы прошедшего времени в современном русском языке остались только одни причастия на *-л-*, которые стали осознаваться как формы прошедшего времени глагола.

III тип — исчезновение

1. В современном русском языке не сохранилось никаких следов формы звательного падежа имен существительных, ушедших из живого древнерусского языка в XIV-XV в.в.: «Хощем вси, княже, праведно служити тебе и самодержцем имети тя» [9, с. 279]. Реликты этой формы — *господи, боже* — превратились в междометия, а, в основном, звательная форма была заменена формой именительного падежа. Некоторые писатели используют древние звательные формы в целях стилизации.

2. Формы двойственного числа в живом древнерусском вышли из употребления в XVI в.: «Феврония ... *руками* шиаше въздух» [9, с. 281]. Отражение в письменности исчезновения двойственного числа из-за сохранения в ней традиционной орфографической системы и устаревших форм слов запаздывало по сравнению с реальным процессом в живом языке. В письменных памятниках XI-XII веков еще довольно правильно употреблялось двойственное число, но в памятниках XIV века немало случаев смешения форм двойственного числа, а в восточнославянских памятниках XVI-XVII веков двойственное число выступает уже в старославянских цитатах, чем в основном тексте. Утрата категории двойственного числа в русском языке происходила с XIII по XV век.

3. В русском языке в отличие от украинского и польского языков наблюдается прерывание связи категории одушевленности существительных с категорией личности. Становление категории одушевленности в русском языке шло постепенно. Первоначально это была категория лица, т.е. ею охватывались лишь слова, обозначающие людей. «В.В. Колесов, квалифицируя одушевленность как категорию, говорит о том, что она представлена в современном рус-

ском языке в незавершенном виде, в отличие от севернорусских говоров, где процесс формирования этой категории завершен, и от польского и украинского языков, где категория одушевленности существительных развивалась в сторону «категории личности», в то время как подобное развитие в литературном языке «было прервано нормализацией системы» (цит. по: [7, с. 157]. В русском языке не существует симметрии между понятием *живой* и категорией одушевленности (например, слова *мертвец* и *покойник* являются одушевленными, хотя обозначают реально неживых людей).

4. В древнерусском языке в число энклитик входили частицы (*же, ли, бо, ти, бы*), местоименные словоформы (*ми, ти, си, мя, тя, ся, ны, вы* и др.) и связки (*есмы, еси* и т. д.) и их расположение во фразе подчинялось строгим закономерностям, знание которых оказывается существенным для правильного понимания древнерусских текстов. На протяжении XI–XVII веков часть энклитик исчезла, а энклитика *ся* превратилась из самостоятельного слова в неотделимую составную часть глагольной словоформы. Постфикс *ся* в XI–XII веках был отдельным словом и занимал позицию после первого полноударного слова в предложении (подобно современной русской частице *ли*). Например,

А ЧЕМОУ С А Г Н Ъ В А Е Ш И

(новгородская берестяная грамота № 605) «Зачем же ты гневаешься?» (союз *а*, как и в современном русском языке, собственного ударения не имеет). Но к XVII веку данный постфикс вошел в состав глагольных форм и даже стал подвергаться чередованиям: в виде *ся* он выступает после согласной, в виде *сь* после гласной (во всех формах, кроме причастных).

5. С.Л. Попов, рассматривая причины и условия исторических изменений форм синтаксического согласования в русском языке, выделяет явления древнерусского синтаксического согласования, которые исчезли из современного русского литературного языка. К несохранившимся явлениям синтаксического согласования, по мнению исследователя, относятся, во-первых, повторы предлогов и сочинительных союзов (*поклон от князя от Михаила*); во-вторых, соединение подлежащих существительных мужского и женского рода со сказуемым прилагательным среднего рода (*грех сладко, а человек падко*); в-третьих, согласование прилагательных в ж.р. с числительными (*каждую пять лет*); несогласование в роде названий детей, животных и существительных с собирательным значением (*большое ребенок, одно ягненок, дружина ры-*

каютъ); несогласование в падеже приложения (*А зовутъ его Власкомъ, Ивановъ сынъ*) [6, с. 106–111]. Современному носителю русского языка кажутся странными и совершенно нелогичными такие случаи синтаксического согласования. С.Л. Попов причину утраты указанных явлений видит в эволюции восприятия форм синтаксического согласования, что связывает, прежде всего, с развитием абстрактного мышления людей, которое привело к замене смыслового согласования формально-грамматическим. «В истории русского синтаксиса в целом можно видеть поступательное движение грамматического строя русского языка к логической ясности» [6, с. 106].

Проведенный анализ позволил проследить динамику изменений языка на грамматическом уровне, которые отражают постоянное развитие языка как системы. «Противоречия различного типа являются основным двигателем языковой эволюции. Это — противоречия между общественной потребностью в выражении некоторого явления и отсутствием такового в языке, между лексическим и грамматическим способами выражения некоторого значения, между различными сторонами языка, а также противоречия внутри отдельной части языковой структуры. Разрешение одних противоречий может породить новые, а это ведет к новым изменениям в языковой системе» [8, с. 117].

Было установлено, что понятие *отсутствие* на уровне грамматики может быть представлено тремя семантическими типами: *полное отсутствие, восполняемое отсутствие, исчезновение*. Действительно, на временной оси можно отчетливо увидеть результаты языковых изменений, которые отражают выделенные нами семантические типы понятия *отсутствие* в грамматике русского языка.

Мы считаем, что пустое звено в грамматической системе языка является стимулом для дальнейшей эволюции, а заполненность ниши свидетельствует о высокой степени актуальности данной граммы, синтаксической конструкции для языкового коллектива. Исследователь Е.С. Кубрякова справедливо заметила: «Язык — отнюдь не простое зеркало мира, а потому фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [5, с. 95]. При изучении грамматических единиц необходимо отвлекаться от факторов эмоциональных, а опираться на факторы исторического или культурологического порядка, поскольку без учета этих факторов невозможно полное понимание и описание грамматических категорий и грамматических значений.

Выделенные семантические типы понятия *отсутствие* на уровне грамматики

русского языка (*полное отсутствие, восполняемое отсутствие, исчезновение*) свидетельствуют о том, грамматическая система русского языка является динамической, а ее развитие обусловлено в том числе логическими факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов // История языков народов Европы. — М.: Либро, 2010. — 510 с.
2. Загнітко А.П. Теорія Сучасного синтаксису / А.П. Загнітко // Монографія. — Вид. 3-тє, виправл. і доп. — Донецьк: ДонНУ, 2008. — 294 с.
3. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики / А.А. Зализняк — М.: Языки славянских культур, 2008. — 280 с.
4. Ковтунова И.И. «Несобственно прямая речь» в языке русской литературы конца XVIII–первой половины XIX в. / И.И. Ковтунова // Публикация А.Г. Грек. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010 — 285 с.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова // Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
6. Попов С.Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография / С.Л. Попов — Харьков: «НТМТ», 2013. — 150 с.
7. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени) : Монография / Е.А. Скоробогатова. — Харьков: НТМТ, 2012. — 480 с.
8. Супрун А.Е. Лекции по языкознанию / А.Е. Супрун. — Минск: Изд-во БГУ, 1971. — 144 с.
9. Хрестоматия по истории русского языка / авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. — М.: Просвещение, 1990. — 289 с.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко / Перев. с итал. В.Г. Резник, А.Г. Погоняйло. — СПб.: «Симпозиум», 2004. — 544 с.
11. Якобсон Р. Избранные работы / Р. Якобсон. — М.: Прогресс, 1985. — 456 с.
12. Zur Struktur des Russischen Verbuns. — In: Charisteria G. Mathesio quinquagenario, 1932, p. 74 sqq.; Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. — In: Travaux du Cercle Linguistique de Prague, VI, p. 240 sqq.

УДК 811

Г.В. Токарев

О СИНОНИМАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г.В. ТОКАРЕВ. ПРО СИНОНИМИ В РОСІЙСЬКІЙ МОВІ.

У статті розглядається семантичні підстави, види, функції синонімів. Визначається сутність широкого і вузького підходу до синонімії.

Ключові слова: лексикологія, семантика, синонім, функція, полісемія, тотожність.

Г.В. ТОКАРЕВ. О СИНОНИМАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

В статье рассматриваются семантические основания, виды, функции синонимов. Определяется сущность широкого и узкого подхода к синонимии.

Ключевые слова: лексикология, семантика, синоним, функция, полисемия, тождество.

G.V. TOKAREV. ABOUT SYNONYMS IN RUSSIAN LANGUAGE.

The article considers the semantic foundations, types, functions, and synonyms. Determined by the nature of broad and narrow approach to synonymy.

Key words: lexicology, semantics, synonym, function, polysemy, identity.